

В. А. БУЛКИН
(Ленинград)

БОЛЬШИЕ КУРГАНЫ ГНЁЗДОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В археологической литературе по Гнёздову до сих пор не уделяли должного внимания большим курганам могильника. Эти немногочисленные курганы представляют чрезвычайно ценный источник для воссоздания не только этнической, но и, главным образом, социальной истории древнего Гнёздова. Термин «большие гнёздовские курганы» получает свой конкретный смысл только при сопоставлении этих курганов с малыми в каждой данной топографической ситуации и определяет различие между ними не только по величине, но и по характеру погребального обряда.

По существу все большие курганы Гнёздова раскопаны в дореволюционное время весьма несовершенной методикой (колодец, узкая или широкая траншея). Реконструкция устройства курганов потребовала предварительного критического анализа всех имеющихся источников¹. Ниже приводятся краткие описания этих курганов с учетом сделанного анализа. Состав вещевых комплексов, не нуждающийся в серьезных поправках, хорошо известен по публикациям, и поэтому нет необходимости повторять его в полном объеме.

Большие курганы сосредоточены в Центральной и Ольшанской группах, а также в группе Сергеева². В Центральной группе к ним относятся: курган 20, частично раскопанный В. И. Сизовым в 1885 г.³, курганы 7 и 16, исследованные С. И. Сергеевым в 1900 г.⁴. О четвертом большом кургане в этой группе имеются краткие сведения в записях С. И. Сергеева и А. Н. Лявдан-

¹ Методика такого анализа изложена в статье Б. А. Рыбакова «Древности Чернигова» (Материалы и исследования по археологии СССР, № 11, М.—Л., 1949, стр. 24—34).

² Группа Сергеева — цепь курганов, находящихся между Ольшанской и Центральной группами. Название дано по имени первого исследователя этих курганов.

³ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Материалы по археологии России. № 28, СПб., 1902, стр. 8—11.

⁴ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1900 г., д. 17; А. А. Спицын. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. Известия археологической комиссии, вып. 15, СПб., 1905, стр. 44—45, 46—48.

ского⁵. В группе Сергеева большой курган (№ 18) находится в ее центре и раскопан С. И. Сергеевым в 1901 г.⁶ В Ольшанской группе — три больших кургана: № 23, исследованный И. С. Абрамовым в 1905 г.⁷, № 24, раскопанный частично сначала В. И. Сизовым в 1896 г., затем И. С. Абрамовым в 1905 г. (у обоих курган значится под одним и тем же номером — 24)⁸. В 1950 г. этот курган был доследован Д. А. Авдусиным (Оль 1)⁹. О раскопках третьего большого кургана не удалось найти никаких сведений.

Курган 20. Высота — около 9 м, диаметр — 35 м, форма — коническая, с закругленной, немного плосковатой вершиной. Насыпь окружена рвом с перемычкой-входом с южной стороны. В пределах узкой траншеи обнаружено аккуратно сложенное над костями барана оружие и воинские доспехи и, очевидно, незначительная часть кострища. Уровень сожжения расположен, по наблюдению В. И. Сизова, «немногим более 2 метров над поверхностью земли».

Курган 16. Высота — 2,9 м, поперечник основания — 38 м, площадки на вершине — 32 м. Форма — шаровой слой с плоской вершиной. Насыпь окружена рвом шириной 7,5 м, глубиной чуть более 2 м, прерванным в юго-западной части перемычкой-входом шириной 8,5 м. Уровень сожжения, по всей вероятности, находился выше подошвы насыпи приблизительно на 0,5 м. Кострище имело подтреугольную форму, обращенную основанием на юго-запад. Длина его 10,5 м, ширина в основании также 10,5 м. На кострище и рядом с ним с западной и северо-западной стороны обнаружены кости животных, частью в пережженном, частью в обычном состоянии — лошади, птицы, коровы, свиньи, овцы. Рядом с кострищем найден котел с костями и черепом козла. На котле лежал нож. Рядом с котлом — глиняная урна. Неясным остается расположение камней с южной и западной стороны кострища. Пережженные кос-

⁵ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1900 г., д. 17; А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Труды Смоленских государственных музеев. Вып. 1, Смоленск, 1924, стр. 131.

⁶ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1901 г., д. 7; А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 50—51.

⁷ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1905 г., д. 54; А. С[пицын]. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. VIII, вып. 1, СПб., 1906, стр. 190—191.

⁸ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1896 г., д. 69; В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 33; Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1905 г., д. 54; А. С[пицын]. Отчет о раскопках..., стр. 191—192.

⁹ Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнёздовских курганов. Материалы по изучению Смоленской области (далее — МИСО), вып. 2, Смоленск, 1957, стр. 169—174; его же. Полевая археология СССР. М., 1972, стр. 50, рис. 4. Д. А. Авдусин ошибается, отождествляя этот курган с курганом № 23 раскопок И. С. Абрамова (Д. А. Авдусин. Гнёздово и днепровский путь. В сб.: «Новое в археологии». М., 1972, стр. 167).

ти и вещи сосредоточены главным образом в северо-восточной части кострища.

Курган 7. Высота — 1,8 м, поперечник основания — 27,5 м, диаметр площадки на вершине — 25,5 м. Форма — шаровой слой с плоским верхом. Вокруг кургана — ров. Южная часть насыпи срезана траншеей балластного карьера. Горизонт сожжения находился выше основания насыпи на 0,7—0,8 м. Кострище имело вытянутые очертания, длиною с севера на юг 17 м, шириною — 10,5 м. В северо-западной части кострища на его краю найден котел с костями барана. Рядом с котлом — три глиняные урны. На кострище найдены кости птицы и зуб лошади. Пережженные кости и вещи сосредоточены в северной половине кострища, главным образом около урн и котла.

Анализ и сопоставление данных С. И. Сергеева, А. Н. Лявданского, в какой-то мере В. И. Сизова, и других дореволюционных исследователей дают возможность судить еще об одном большом кургане, расположенном к западу от кургана 16. Его высота — более 4 м, нижний диаметр — 34 м, диаметр площадки на вершине — 25,6 м. Форма — шаровой слой с плоским верхом. Насыпь окружена рвом шириной 7,5 м, глубиной более 2 м, прерванным в южной части перемычкой-всходом. Курган раскопан колодцем до 1898 г. Есть серьезные основания предполагать, что в этом кургане был найден котел с головой животного (козла или барана).

Курган 18. Высота — около 5,5 м, диаметр основания — 25,5 м. Вершина кургана представляла площадку поперечником 8,5 м. Вокруг кургана — ров, прерванный, возможно, с западной стороны перемычкой-всходом. Уровень сожжения находился выше подошвы кургана приблизительно на 1 м. Кострище имело вытянутые в направлении с запада на восток очертания и размеры — 23,5×12,8 м. Скопление остатков сожжения (среди них глиняная урна, оружие и доспехи) — в западной части кострища. Несколько в стороне от них — кости барана и собаки.

Курган 24-Оль 1. Высота кургана — 7—8 м, диаметр основания — 30—35 м. Форма — полусферическая. Вокруг кургана — ров, шириной до 7 м и глубиной 0,6 м. В западной части рва — перемычка-всход шириной с севера на юг 4 или 6 м. От основания насыпи расходятся радиально еще семь неглубоких выемок, — возможно, также ровиков. Уровень сожжения расположен выше подошвы в среднем на 1—1,2 м. На этом уровне отмечено зольное пятно, в центре которого находился угольный слой, идущий широкой полосой с северо-востока на юго-запад. Длина полосы — около 16 м, ширина — до 8 м. В пределах кострища обнаружены три глиняные урны и котел с остатками сожжения, кусками кольчуги и костями

рыбы. Рядом с котлом с западной стороны найдены кости птицы и барана (череп), а с северной — плоский камень. На погребальной площадке найдены остатки хвойных веток. Подошва кургана покрыта легким зольным слоем, а глинистая почва под нею оказалась слегка обожженной.

Курган 23. Высота — около 3 м, диаметр — около 30 м. Форма насыпи — полусферическая. Курган окружен рвом, прерванным с западной стороны перемычкой-всходом, шириной, по одним данным, чуть более 9 м, по другим — 2 м. Погребальная площадка располагалась выше подошвы кургана на 1,8 м. Предположительные размеры кострища: длина с запада на восток — около 11 м, ширина с севера на юг — около 8 м. Скопление остатков сожжения отмечено в западной части кострища. Здесь найдены две урны; рядом — котел с остатками сожжения и кусками сосуда. Около котла — кости курицы, барана, быка (?) и собаки.

Реконструкция погребального обряда больших гнёздовских курганов требует предварительного анализа некоторых результатов раскопок и наблюдений.

В основании кургана 24-Оль 1, раскопанного «на снос», зафиксирован легкий зольный слой, оставшийся, вероятно, от выжигания здесь растительности. Нечто подобное отмечено в кургане 23. В остальных случаях насыпь ниже уровня погребения оставалась неразобранной. Все же можно предположить наличие такого слоя в других больших курганах.

Нет сомнения, что земля из ровика использовалась для сооружения насыпи кургана. Покрывалась ли вся потребность в земле для насыпи исключительно за счет рва или только отчасти, — вопрос, который еще предстоит уточнить¹⁰. Во всяком случае объема рва для подсыпки было вполне достаточно. Это значит, что к моменту завершения работ по сооружению подсыпки она оказывалась отделенной от окружающего пространства довольно широким рвом (7—7,5 м). Единственным всходом на погребальную площадку являлась перемычка, очевидно, специально оставленная для этих целей. По этой перемычке-всходу проходили организаторы и участники погребальной церемонии для совершения всех необходимых действий.

Что представляла собой сгоревшая на погребальной площадке конструкция? Форма кострища, в тех случаях, когда она фиксируется с большей или меньшей точностью, имеет вытянутые (7, 18, 24-Оль 1) или подтреугольные (16) очертания. Среди прочих вещей в больших курганах найдены многочисленные ладейные железные заклепки величиной в среднем от 2 до 6,5 см. В исследованной части кургана 20 их найдено 19 штук,

¹⁰ Д.А. Авдусин. Ровики славянских курганов. В сб.: Древности Восточной Европы. М., 1969, стр. 12.

в кургане 16 — 234, в кургане 7 — два десятка целых и обломки, в кургане 18 — более 50, в кургане 24-Оль 1 — не менее 200. Оба факта могут быть объяснены тем, что на погребальной площадке к моменту сожжения находилась ладья или ее часть (16). Исключение составляет курган 23, в котором заклепок не найдено. Кострище имеет овальные очертания (11×8 м). По-видимому, сожжение здесь производилось так же, как и в малых гнездовских курганах.

Ориентировка ладьи на погребальной площадке соответствует направлению перемычки-всхода. Это особенно наглядно видно в курганах 16 и 24-Оль 1. В кургане 7 перемычка вовсе не отмечена (южная часть кургана уничтожена траншеей). В больших курганах Центральной группы перемычка расположена либо в южной части (20 и курган к западу от 16), либо в юго-западной части (16). Вполне допустимо, что перемычка в кургане 7 находилась с южной стороны в соответствии с меридиональной ориентировкой кострища и, следовательно, ладьи, но впоследствии была разрушена. Рассуждая таким же образом, можно предположить, что ладья кургана 20 также была ориентирована по линии север-юг. Расположение перемычки в кургане 18 точно не указано. Все ближайšie к нему большие Ольшанские курганы (24-Оль 1, 23, курган на западной окраине группы) имеют перемычки с западной стороны и соответствующую этому ориентировку кострища. То же расположение перемычки в кургане 18 вполне допустимо. Таким образом, положение ладьи на погребальной площадке оставалось тем же, каким оно было при ее внесении по перемычке-всходу.

О количестве человеческих погребений в больших курганах можно судить исключительно по характерным наборам вещей. Так, наличие оружия, воинского облачения, деталей женского костюма и украшений в их различных комбинациях делает правдоподобным вывод о том, что в курганах 20, 18, 24-Оль 1, 23 погребения являются парными, т. е. мужскими и женскими. Сложнее определить количество и пол погребенных в курганах 7 и 16. В обоих курганах наиболее полно представлены вещи, относящиеся к «женскому комплексу». В кургане 7 — бусы, овальная фибула, нагрудные цепи, различные подвески, шиферные пряслица, иглы. Пять фибул скандинавского образца (четыре овальные и одна круглая) были найдены Сергеевым в кургане 16. Очевидно, к тому же погребению относятся две трехлепестковые фибулы, найденные много позднее в осыпи кургана 16¹¹. Если так, то все эти фибулы представляют два комплекта женского костюма скандинавского типа. «Мужской комплекс» в том и другом случае крайне невыразителен для погребения

¹¹ А. Н. Лявданский. Указ. соч., стр. 131.

в большом кургане. Еще А. А. Спицын поставил под сомнение наличие мужских погребений в этих курганах¹². Таким образом, вопрос о том, были ли погребения в курганах 7 и 16 парными — мужскими и женскими — или только женскими, остается открытым, хотя второе решение, на мой взгляд, более вероятно.

Расположение трупа в пределах ладьи достаточно точно определяется по месту скопления на кострище остатков сожжения. Этим местом является: в кургане 16 — северо-восточная часть кострища, в кургане 7 — северная половина кострища, в курганах 18 и 23 — западная часть кострища, т. е. есть основание считать, что труп помещали в одном из концов ладьи или деревянной конструкции. В этом случае ориентировка покойного была следующей: курган 16 — головой на северо-восток, курган 7 — на север, курганы 18 и 23 — на запад.

Большая часть вещей, в том числе и оружие, сильно пострадала от огня погребального костра. Внутри шлемов (18 и 20) обнаружены черепные косточки, прикипевшие к металлу. По-видимому, мужской труп к моменту сожжения был облачен в воинские доспехи и снабжен оружием. После сожжения оружие и доспехи извлекали из кострища и особым образом группировали. Так, в кургане 18 рядом с урной уложили кольчугу. Затем здесь же глубоко в землю воткнули меч, копье, скрамасакс и концы оружия, торчащие из земли, плотно накрыли шлемом. В кургане 20 все оружие (шлем, кольчуга, меч, копье) вынесено за пределы кострища и компактно сложено над тушей барана на небольшой площадке, ограниченной валунами. Все это накрыто щитом, поверх которого насыпали песок, а сверху положили еще один щит. В кургане 24-Оль 1 куски кольчуги поместили в котел, а поверх ее положили рыбу.

В то же время на погребальную площадку к имеющимся уже предметам могли добавлять другие, не побывавшие на погребальном костре.

Церемония жертвоприношения в большинстве случаев происходила также после акта сожжения. Среди жертвенных животных центральное место бесспорно отводили барану или козлу. Заклание производили здесь же на погребальной площадке. В этой связи весьма интересной является находка плоского камня (жертвенника?) в кургане 23 рядом с урнами и костями животных, в том числе барана. После заклания жертвенный нож могли оставлять на погребальной площадке: в кургане 16 его положили сверху на котел с остатками козла. Кости барана или козла укладывали в металлический котел (7 и 16) или рядом с ним (24-Оль 1, 23). Котел, очевидно, предварительно обертывали шкурой убитого животного или устанавли-

¹² А. А. Спицын. Гнездовские курганы... , стр. 11, 45, 48.

вали на подстилке из шкуры (7, 24-Оль 1, 23). В иных случаях (20, 18?) тушу барана или ее части помещали среди остатков сожжения на блюде. Другие жертвенные животные: овца, лошадь, птица, корова, свинья (16), курица (?), лошадь (?) — (7), собака — (18), птица, рыба — (24-Оль 1), курица, собака, бык (?) — (23).

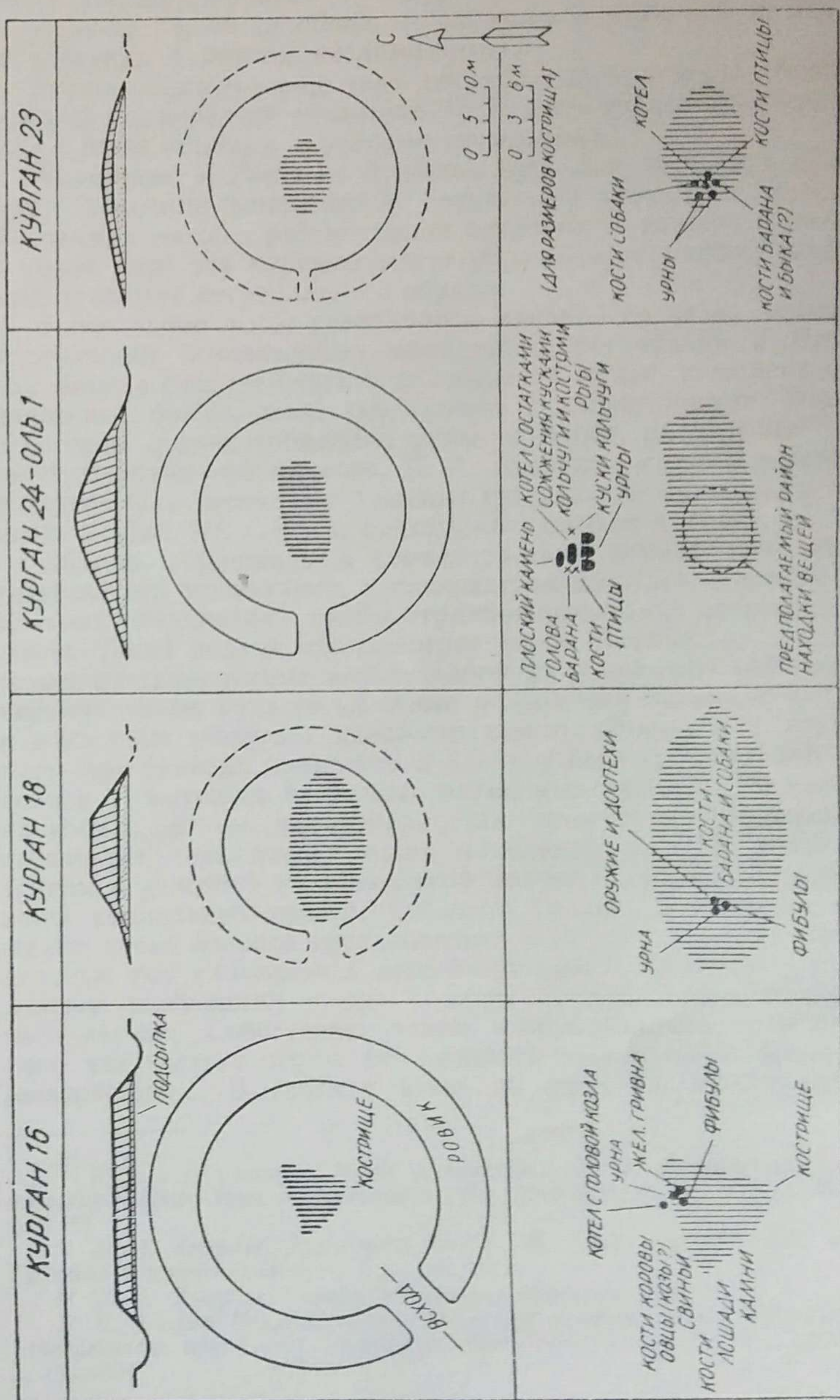
Ряд церемониальных действий на погребальной площадке не удается расшифровать столь же отчетливо. К ним относятся укладка камней (16) и использование хвойных веток, по-видимому, для окончательного «оформления» площадки (24-Оль 1).

Итак, последовательность действий в процессе сооружения большого гнездовского кургана представляется таковой: 1) выбор места; 2) определение поперечника основания будущего кургана, в среднем — около 30 м; 3) выжигание растительности на этой площади; 4) сооружение подсыпки мощностью в среднем около 1 м; 5) перенос по всходу ладьи и установка ее строго в том же направлении; 6) размещение в ладье трупов — одного или двух. Мужчина облачен в воинские доспехи, женщина — в праздничный наряд; 7) акт сожжения; 8) размещение на погребальной площадке остатков сожжения: установка на кострище урн с пережженными костями, особая группировка оружия и воинских доспехов; 9) жертвоприношения животных, в первую очередь барана или козла. Их туши целиком или частью помещают в котел, а тот устанавливают рядом с урнами; 10) битие посуды, ломка некоторых вещей (железных гривен и др.) и ряд других действий на площадке; 11) сооружение насыпи над погребальной площадкой¹³.

Относительная хронология больших гнездовских курганов должна строиться на тех же основаниях, что и для могильника в целом, т. е. с учетом изменения ряда общих признаков и их встречаемости¹⁴. Такими признаками могут служить типы мечей, фибул скандинавского образца, керамики (лепная, гончарная, гончарная с клеймами), обряд погребения (кремация, ингумация) и монетные находки. Выделяются четыре периода: первый — от середины IX в. до 30—40-х гг. X в., второй — от первой половины X в. (с 30—40-х гг.) до 70—80-х гг. X в., третий — последняя четверть X в. и рубеж X—XI вв., четвертый — рубеж X—XI вв. — первая половина XI в. Датировка почти всех больших курганов твердо определяется в рамках от середины X в. до рубежа X—XI вв. Основанием для

¹³ Курган Ц-2, исследованный Д. А. Авдусиным в Центральной группе, схож с большими курганами только по размерам и форме (Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках... , стр. 158—164). Своеобразие устройства этого кургана ставит его в совершенно особое положение как по отношению к большим, так и малым курганам могильника.

¹⁴ В. А. Булкин. Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья. Автореф. дисс. Л., 1973, стр. 13—14.

Эволюция больших гнездовских курганов (слева направо). Верхний ряд: схематические планы и разрезы насыпей. Пунктиром обозначены предполагаемые внешние границы рвов вокруг курганов 18 и 23. Нижний ряд: размещение некоторых основных категорий вещей и жертвенных животных на погребальной площадке.

этого являются типы фибул в курганах 7 и 16, типы меча и фибул в кургане 18. К несколько более позднему времени, но в тех же общих рамках второй половины X в., относятся курганы 24-Оль 1 и 23, содержащие гончарную керамику с клеймами (фибулы и мечи здесь отсутствуют). Погребение в кургане 20, судя по находке монеты 905—906 гг., совершено не ранее начала X в.¹⁵

Учитывая степень сходства в обряде погребения, а также некоторые различия в относительной хронологии, большие гнёздовские курганы можно представить в виде типо-хронологического ряда (см. рис.)¹⁶. Первое звено: курганы 7 и 16 — насыпи в виде шарового слоя с плоским верхом, сожжение в ладье, ориентировка с севера на юг или близкая ей, набор женских скандинавских украшений, железные гривны с «молоточками Тора». Второе звено: курганы 20 и 18 — конической формы с плоским или уплощенным верхом, сожжение в ладье, ориентировка с севера на юг (?) и с запада на восток, набор женских скандинавских украшений. Третье звено: курганы 24-Оль 1 и 23 — полусферической формы, сожжение в ладье и без нее, ориентировка с запада на восток. Таким образом, форма насыпи изменяется от шарового слоя с плоским верхом к усеченно-конической, затем — к полусферической; обряд сожжения в ладье, столь типичный для больших курганов, на последнем этапе становится необязательным или вовсе исчезает; ориентировка ладьи на первых этапах меридиональная, на последующих — с запада на восток; совместные находки фибул и железных гривен характерны для первого этапа, на втором исчезают гривны, на третьем — фибулы.

Справедливость построенного ряда подтверждается тем, что некоторые признаки его первого звена связываются с аналогичными признаками более ранних гнёздовских курганов. Плоская вершина отмечена у курганов 13, 35, 38, 47¹⁷; сожжение в ладье — в курганах 13 и 47, ориентировка ладьи в кургане 47 — северо-восток — юго-запад, а вероятная ориентировка трупа на костре в кургане 35 — с севера на юг; жертвоприношение птиц — в курганах 13 и 47; железные гривны и фибулы

¹⁵ Тип меча, найденного в кургане, точно установить невозможно. А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, т. 1. Свод археологических источников, Е1-36. М.—Л., 1966, каталог находок, стр. 76 (№ 16), стр. 80 (№ 59).

¹⁶ В представленную схему не включен курган 20 ввиду отсутствия каких-либо фактических данных о кострище, а также курган 7. Схематические контуры угольного слоя в кургане 24-Оль 1 даны в соответствии с планом, опубликованным Д. А. Авдусиным (Д. А. Авдусин. Полевая археология СССР, стр. 50, рис. 4).

¹⁷ Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнёздовских курганов в 1949 г. МИСО, вып. 1, Смоленск, 1952, стр. 334, 362, 358; его же. Отчет о раскопках гнёздовских курганов, стр. 120.

скандинавского образца — в курганах 13, 47, 35, 15¹⁸; мечи — в курганах 13, 35 (в обоих — сломаны и воткнуты в землю), 15 (воткнут в землю несломанным).

Таким образом, ряд черт погребального обряда больших гнёздовских курганов позволяет установить их несомненное родство с более ранними курганами могильника.

Появление в Гнёздове больших курганов отражает прежде всего серьезные изменения в социальной структуре общества. Предметом нашего рассмотрения будет иной вопрос, а именно: в какой мере эти курганы могут отражать специфику норманской традиции погребального обряда.

В последние годы утвердилось мнение, согласно которому этническими показателями норманских погребений в Восточной Европе следует считать сожжение в ладье, комплект скандинавских фибул, железные гривны с «молоточками Тора» и некоторые другие (обкладка урны камнями, радиальные ровики)¹⁹. Основываясь на этом, Д. А. Авдусин включил в рубрику норманских и некоторые большие гнёздовские курганы, в частности 24-Оль 1²⁰. С этим, однако, согласиться нельзя.

Обычно, обращаясь к характеристике этнического облика гнёздовского могильника, исследователи приводят систему процентных соотношений, якобы отражающих состав древнего населения. Такой подход предполагает некое статическое состояние групп, разграниченных между собой рамками жестких племенных признаков, будь то височные кольца или овальные фибулы, и полностью отвергает динамизм самого процесса. В какой-то мере этот принцип приложим к анализу первых поколений поселенцев — выходцев из разных племенных районов. Но ответить на вопрос, каким закономерностям подчинено формирование этнических черт последующих поколений каждой этнической группы в условиях их совместной жизни и отсутствия устойчивости социальных связей, довольно трудно. К верному пониманию этого вопроса исследователи подошли в результате выделения так называемых вещей-гибридов²¹. Учитывать то же явление необходимо и при анализе формирования погребального обряда. Собственно, такая «гибридизация» есть не что иное, как частное отражение процесса социальной и этнической консолидации. В связи с этим ни один из вышеуказанных

¹⁸ Курган 15 раскопан М. Ф. Кусциным (М. Ф. Кусцинский. Археологические исследования в Смоленской губ. Древности, т. IX, вып. 1, М., 1881, стр. 5).

¹⁹ Д. А. Авдусин. Археология СССР. М., 1967, стр. 237—239; его же. Гнёздово и днепровский путь, стр. 167, 168.

²⁰ Д. А. Авдусин. Ровики славянских курганов, стр. 15.

²¹ Н. Arbman. Skandinavisk Handverk in Russland zur Wikingerzeit. — «Meddelanden från Lunds Universitets historiska museum (1959)», Lund, 1960, s. 133—134.

признаков, а равным образом и их сочетания, не могут быть признаны твердыми этническими индикаторами, а характеристика этнического состава Гнёздова в различных числовых выражениях оказывается ошибочной. Я полагаю, что в период расцвета Гнёздова наличие там тех или иных этнических группировок находит свое выражение в погребальном обряде не более чем как тенденция. Соотношение этих тенденций в разные периоды может оказаться различным, а их историческая оценка возможна лишь с точки зрения общего итога этнического процесса в Гнёздове.

Бесспорно, что такие черты обряда больших курганов как, например, сожжение в ладье, восходят к погребениям норманнов, поселившихся здесь среди местного населения во второй половине IX — начале X вв. Однако, как бы ни были те же черты «очевидными» в больших курганах, ни один из них нельзя признать норманским. Лица, погребенные в больших курганах, составляют часть того общества, которое к этому времени имело за своими плечами в Гнёздово почти вековую историю этнического развития, завершившегося формированием гнёздовской группы кривичей²². Большие курганы могут отражать один из этапов этнической консолидации и поэтому приписывать их выходцам из Скандинавии было бы явной ошибкой. Этот вывод подкрепляется еще одним наблюдением. Во второй половине X в. обряд сожжения в ладье становится привилегией высшего слоя гнёздовского коллектива. Следовательно, этот признак теряет свою былую этническую нагрузку и приобретает совершенно новую — социальную. А это делает неразличимыми индивидуальные этнические черты погребенного в кургане. Однако в конце X в. этот обряд, скандинавский по своему происхождению и социально значимый во второй половине X в., исчезает (23).

Опираясь на то же развитие больших курганов, нетрудно проследить судьбу других, скандинавских в своих истоках, элементов — женского наряда и гривен с «молоточками Тора». Весьма показательно, что эти элементы, характеризующие совершенно разные стороны культуры и, очевидно, социально индифферентные, исчезают в больших курганах несколько ранее, чем обряд сожжения в ладье.

В малых гнёздовских курганах по сути дела повторяется та же картина, с той лишь разницей, что обряд сожжения в ладье в них исчезает к середине X в.

Что же стоит за этим «размыванием» норманского комплекса в Гнёздове? Очевидно одно — постепенная и неуклонная

ассимиляция выходцев из Скандинавии и их культуры. Появление больших курганов не совпадает по времени с началом этого процесса. Но именно эти курганы аккумулируют в себе наиболее характерные черты скандинавской культуры и сохраняют их значительно дольше, чем малые курганы. Этот факт может найти объяснение в специфической социальной обстановке древнего Гнёздова.

²² Е. А. Шмидт. Об этническом составе населения Гнёздова. «Советская археология», 1970, № 3, стр. 108.